

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРЕ

Различные подходы к определению исторических судеб семьи как социального института объединяются вокруг нескольких основных идей, связанных с общими концепциями социальных изменений. Одну из них, тотально распространенную в массовом сознании и нередко аргументируемую профессионалами, можно обозначить как «кризис семьи». Кризис в данном случае ассоциируется с утратой или предельной редукцией функций семейно-родственных сообществ в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Второй же подход основан на убеждении, что семья – институт универсальный, переживший много кризисов и социальных реформ – обладает исключительными адаптивными возможностями. Семья «не сломалась под ударом индустриализации и урбанизации» в XIX – нач. XX вв.¹, как и в последующий глобализационный период. В очередной раз перегруппировав свои функции, она продолжает выступать агентом социальных изменений и адаптирует индивида к сложному постиндустриальному обществу. Сколь бы ни были многообразны функции семьи и их конфигурации в разное время в разных культурах, типах обществ и т.д., все они, по утверждению классика американской социологии Т. Парсонса, могут быть сведены к двум: социализации детей и стабилизации взрослых².

Адаптивные возможности семьи особенно отчетливо проявляются в периоды социальных трансформаций, подобных той, которую переживает сейчас российское общество. Вместе с тем активизация семейно-родственных и дружеских связей характерна для любой кризисной ситуации, рассматривать ее во временном или пространственном измерении, на уровне страны, региона или личных биографических обстоятельств. В этом отношении положение современной семьи на Крайнем Севере являет собой весьма показательный феномен. Состояние макросреды (социально-экономическая, культурная, социально-психологическая, идеологическая ситуации в стране) не только соответствует в целом микросредовым условиям (ситуации в регионе и отдельных населенных пунктах). Она дополняется и усугубляется кризисностью особого рода, связанной с региональными природно-географическими, климатическими, экологическими и прочими отличиями, которые осмысливаются как «экстремальные». При такой

¹ Hareven T. Introduction // Family and kin in Urban Communities. 1700–1930. – N. Y., 1977. – P. 58.

² Parsons T., Bales R. Family: Socialization and Interaction Process. – Clencoe, Illinois. 1955. – P. 16–17.

оценке общей ситуации на обоих уровнях – страны и региона – критическое положение семьи постулируется и доказывается на основе статистических данных, в частности в исследованиях, посвященных проблемам семьи северян¹.

Негативно оцениваемые внешние обстоятельства выступают факторами того, что в социологии семьи принято называть «семейным стрессом» – критическим состоянием группы. Исследовательница П. Босс разграничивает внешний и внутренний контексты семейного стресса². Внутренний контекст касается характеристик и обстоятельств жизни самой семьи. Объективными кризисными обстоятельствами здесь являются, в частности, браки и разводы, рождения и смерти, которые нарушают границы группы и семейное равновесие. К этой группе факторов следует отнести и переезд, который сопровождается пространственным разъединением родственников и, как правило, отмечает новый этап жизненного цикла семьи³. Устойчивость к стрессам, степень их проявления зависят от определения семьей стрессового фактора, отношения к нему и «семейных ресурсов» – внутренних атрибутов единства. Формами реакции на стресс являются борьба или адаптация⁴.

В силу этих причин семья на Кольском Севере представляет большой интерес с точки зрения ее адаптивных возможностей. Семьи переселенцев разных поколений – большинство населения региона – демонстрируют неодинаковые поведенческие стратегии, они по-разному сохраняют, утрачивают или переорганизуют родственные коммуникации, но вместе с тем наблюдаются некие стереотипизированные практики, системы представлений и оценок, которые имеют свою специфику.

Исследование миграционных практик, представлений и стратегий современного городского населения Кольского Севера⁵ показало,

¹ Артохов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян. – Екатеринбург, 1999.

² Boss, Pauline. Family Stress Management. – Family Studies. Text series. – Sage Publications, California, 1988. – P. 27–29.

³ Разумова И.А. Потасное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. – М., 2001. – С. 274–283; Razumova I. Sugulaseks olemise piiril: perejutustused sugulaste eraldumisest ja ühinemisest // Pärimuslik ajalugu / Koostanud Tiit Jaago. – Tartu, 2001. – S. 255–263.

⁴ Families and Change: coping with stressful events / Ed. by McKenry, Patrick C., Price, Sharon J. / Sage Publications. Thousand Oaks – London – New Delhi, 1994. – P. 9–11.

⁵ Исследование выполнялось в Центре гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН в 2005 г. при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05-06-97503 «Северный индустриальный город в эпоху трансформации российского общества: социально-антропологические аспекты»: Разумова И.А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере: Сб. статей. – Апатиты, 2004. – С. 5–21.

что родственные коммуникации, осмысление и переживание семейно-родственных отношений существенно влияют на миграционный процесс на всех его этапах: от принятия решения о переезде (если миграция добровольная) до полной адаптации на новом месте жительства (если таковая происходит). Примерно половина респондентов заявили, что приехали на Север к родственникам, вслед за ними. С другой стороны, мотивом переезда ряда представителей молодого поколения была потребность «отделиться» от родителей, начать самостоятельную жизнь на новом месте. Наконец, среди мотивов переезда может быть такой: «Я поехала зарабатывать деньги на север, думала тем самым помогу родителям» (Ж., 60 л.)¹. Создание собственной семьи – один из самых важных факторов закрепления молодежи на территории прибытия. Для лиц же старших поколений, которые «отработали» на Севере и получили возможность получить жилье или на прежней родине, или в любом другом городе, одним из основных препятствий отъезда является наличие детей, часто укорененных на новом месте, а также могил близких.

Миграционное поведение определенной категории семей отличается установка на то, чтобы дети (внуки) уехали с Севера в более благоприятные климатические условия и/или в «центры», где, по распространному убеждению, можно получить лучшее образование и хорошо оплачиваемую работу. Установка отослать от себя детей – индикатор экономической и социально-психологической ситуаций в регионе, а также оценки пространства как «периферийного» и экологически неблагоприятного. Одновременно это показатель неокончательной культурной адаптированности к Северу той части поколения, которая еще воспринимает территорию как место временного пребывания. Наконец, что кажется наиболее важным, данная установка демонстрирует динамику семейных представлений и ценностей. Приведем фрагмент одного интервью с жительницей г. Апатиты: «Для меня, конечно, чтобы никто от меня не уезжал, я и так всю жизнь, когда приехала, жила без родных, а сейчас хочу, чтобы была большая семья. Я все равно не могу за них решать, как они захотят, так и будет. Что касается детей, то я могу сказать, что они не хотят уезжать, <...> ведь они здесь родились, вот север для них – это точно Родина. <...> А вот что касается внуков, то мне кажется, они просто здесь живут, так как нет выхода, а мечтают отсюда уехать. <...> Хотят так пускай, я отговаривать не буду, сама молодая была. <...> Молодежь же хочет сама

¹ Зап. Э.А. Зверевой (Апатиты, 2006). Все цитируемые тексты находятся в архивах ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты) и кафедры философии и социологии КФ ПетрГУ. При цитировании указываются пол и возраст респондентов.

строить свою жизнь, семью, что тут скажешь» (Ж., 61 г.)¹. Старшие, особенно прошедшие опыт миграции, стараются исходить из интереса детей, как они его понимают, т.е. дать возможность молодым улучшить условия жизни и посмотреть мир. Ни «родина», ни родовой дом, ни родственные связи не считаются больше тем, что ограничивает свободу выбора и передвижений.

В этой связи хотелось бы остановиться на одном распространенном стереотипе, касающемся положения семей на Крайнем Севере. Это утверждение, что переезд на Север способствовал разъединению (или даже «распаду») семейно-родственных групп. Не оспаривая его в принципе, все же обратим внимание на то, что необходимо учитывать все смыслы понятия «разъединение», в том числе аксиологические.

Прежде всего, пространственное разъединение членов семьи не должно рассматриваться лишь в качестве фатального обстоятельства, которое «разрушает семейные связи». Оно, напротив, может явиться способом преодоления семейного стресса. Такая стратегия разрешения конфликта (реального или потенциального) вполне традиционна: «отселение» детей, разъезд со свойственниками и даже временное раздельное проживание супругов нередко рассматриваются как способы оптимизации взаимоотношений (разумеется, в том случае, если стороны дееспособны и никто не нуждается в постоянном уходе, медицинской или психологической помощи). По мере того как семейное пространство и бытие в ходе социально-исторического процесса становились все более приватными², а система семейных ролей и взаимодействий перестраивалась, согласно концепции Э. Берджесса, в направлении от институциональной организации к «дружеской»³, семья все в большей степени служила собственно индивиду. Она постепенно превратилась в символ «комфорта», занимающего одно из первых мест в иерархии ценностей современного человека.

Возможность периодических встреч в «родовом центре» компенсирует пространственное разъединение и для большой категории людей является достаточной формой поддержания родственных контактов. При этом соблюдается необходимый уровень коммуникаций и одновременно обеспечивается самостоятельность и отдельного человека, и «малой» семьи супружеского типа. Если у поколения собственно мигрантов переезд и разлука с родными еще воспринимаются как «разделение надвое», то у детей, особенно родившихся на Севере,

¹ Зап. Э.А. Зверевой. Апатиты, 2005.

² Согласно концепции Ф. Арьеса, в Европе этот процесс преобразования семьи начинается в XVII в. В России, очевидно, позже: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. – Екатеринбург, 1999.

³ Burgess E.W., Locke H.J., Thomes M.M. The Family: From Institution to Companionship. – N.Y., 1963.

уже как норма: «Я родился и вырос в городе Ковдоре. С ним связаны все воспоминания о моем детстве, о моих школьных годах <...> На данный момент я учусь (в Апатитах. – *И.Р.*), и, в принципе, Апатиты сейчас тоже становятся для меня родиной. <...> Затем, родители мои сами из Крыма, и я тоже считаю это место для себя малой родиной. Исторической родиной, в том плане что я постоянно, каждое лето выезжаю туда. У меня там свои друзья, своя жизнь, фактически, много родственников» (М., 22 л.)¹. С этой точки зрения, расширенные родственные связи обеспечивают мобильность жителю Севера, а не прикрепленность к территории. Они способствуют формированию определенной модели миграционного поведения, включающей легкость, регулярность перемещений и относительно широкий охват пространства. Тем самым в значительной мере снимаются фобии «провинциальности», связанные с представлениями о суженном пространстве, несвободе и недостаточности существования². У северянина формируется особая модель времени-пространства с чередованием фаз труда и отдыха как попеременным пребыванием на Севере и Юге (для жителя Севера очень широкое понятие). На формировании этой «сезонной» модели, безусловно, сказалось мировосприятие недавних мигрантов. Вместе с тем оно вписывается в универсальную модель более высокого уровня, в соответствии с которой отдых – перемена места на «противоположное»: город на деревню, север на юг (или даже наоборот).

В числе дестабилизирующих семью обстоятельств особую группу составляют так называемые «вертикальные стрессоры», связанные с опытом восприятия событий прежними поколениями. Они актуализируются в периоды смены идеологических парадигм, когда младшее поколение склонно, скорее, отрицать опыт «отцов». Именно в такой ситуации оказалась российская семья в конце XX в. Пространственное разъединение при свободе передвижений и периодических встреч в этих условиях может рассматриваться, скорее, как корректирующий механизм, нежели как фактор дезинтеграции. Более того, оно даже способствует поддержанию ностальгического «родственного чувства», в котором признаются многие респонденты. Осознание того, что «родовые корни» утрачены, может оказаться фактором восстановления семейно-исторической памяти.

Тезис об «исторической беспамятности» семей мигрантов – это еще один стереотип. Для прояснения ситуации мы предприняли исследование историко-семейных знаний молодежи Кольского Севера.

¹ Зап. А.А. Данилиной. Апатиты, 2005.

² Разумова И.А., Кулешов Е.В. К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции 29.08–01.09.2001. – Тверь, 2001. – С. 12–25.

Предполагалось, среди прочего, выяснить средний уровень генеалогических знаний, а также установить наличие или отсутствие специфики в семейно-историческом знании молодого поколения Мурманской области в сопоставлении с сопредельными регионами на основе имеющихся данных¹. Были проинтервьюированы представители студенческой молодежи Мурманска и Апатитов – уроженцы различных городов и поселков области (всего около 80 чел.). Анализ текстов позволил установить глубину семейной памяти, характер и уровень представлений о родословии и событиях семейной истории.

Информанты указали различные причины недостаточных знаний о предках. На первом месте физическое пресечение рода как следствие военных и социальных катаклизмов, сопровождающееся утратой материальных свидетельств. Это характерно для российской семьи в целом. Что касается региональной специфики, то она обнаруживается в значимости такого показателя утраты, пресечения или «сбоя» семейной памяти, как переезд на новое место жительства.

«Ответственность» за незнание родословной возлагается обычно на бабушек и дедушек. Это соответствует как традиционным представлениям о данных семейных ролях, так и объективной ситуации, которая продолжает быть актуальной для российского общества: трансляция семейной культуры осуществляется в основном через поколение. У представителей молодого населения Мурманской области эту ответственность с прародителями полноправно делят родители – в большей степени, чем у той же категории респондентов ряда других регионов. Для семей, проживающих на Кольском Севере, характерен низкий процент трехпоколенности в силу особенностей заселения территории и интенсивных миграционных процессов. У большинства респондентов бабушки и дедушки проживают не просто отдельно, но в отдаленных от Мурманской области местностях, частота контактов с ними относительно низка. По этой причине глубина семейной исторической памяти молодежи здесь в среднем меньше, чем в городах и регионах, где население является более «укорененным» (Архангельская обл., Вологодская обл., Республика Карелия и др.)². Данный фактор, однако, не сказывается на отсутствии потребности в генеалогическом знании и не приводит к диффамации его ценности.

¹ Исследование выполнялось в 2005 г. в Центре независимых социально-антропологических исследований Северо-Запада (г. Апатиты) в рамках проекта «Координаты социального самочувствия молодежи: стереотипы и реалии» при поддержке независимой организации «Гуманистическое движение молодежи». Устное интервьюирование проводилось А.А. Данилиной, письменное – И.А. Разумовой.

² Сравнительные материалы по другим областям Северо-Западного региона в значительной части суммированы в исследовании: Разумова И.А. Потаянное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М., 2001.

Существенной причиной утраты или фрагментарности семейно-исторического знания является нарушение в цепи его передачи, связанное с отсутствием письменных источников – как собственно документов, так и эпистолярно-мемуарного наследия. Анализ сведений, относящихся к семейным архивам, показывает, что эти архивы либо считаются утраченными, либо имеют специфический (по сравнению с традиционным их пониманием) состав. Утрату архива интервьюируемые связывают, в первую очередь, с переездами или же с критическими событиями в жизни семьи и государства: войнами, репрессиями, пожарами и другими причинами утраты имущества. Единичны утверждения о том, что документы семейных архивов были уничтожены самими членами семьи «за ненужностью» (хотя по данным, имеющимся у исследователей, такие факты не редкость). Это свидетельствует о намерении подавляющего большинства респондентов представить свою семью в выигрышном ракурсе, а следовательно, в признании ими социальной значимости семейного знания. На составе современных семейных архивов сказалось постепенное вытеснение из обихода эпистолярной коммуникации (в том числе родственной переписки) и снижение эпистолярной культуры в целом, а также тенденция к мемориализации прошлого в аудиовизуальных, а не рукописных формах. Тем не менее письма родственников нередко осмысливаются как культурная ценность и продолжают составлять значимую часть семейных архивов. Центральное же место в них занимают фотографии, что подтвердил и опрос: семейный архив для большинства респондентов – это фотографии, а не документы.

Исследование продемонстрировало ряд особенностей самосознания семей относительно недавних мигрантов. Например, то, что понимается ими как «семейные архивы» и «семейные реликвии», часто находится в других родственных семьях, которые: а) являются семьями старших членов родственной группы – бабушек и дедушек или старших братьев и сестер родителей; б) проживают на «исторической родине». Одновременно наблюдается и другая тенденция: к созданию собственного «фонда памяти» нуклеарной семьи, что является одним из указаний на процесс адаптации мигрантов к «новой родине» и на эмансипацию ее от «родовых корней». Утрата памяти компенсируется созданием новых семейных традиций. Именно этим можно объяснить тот факт, что среди реликвий респонденты чаще всего называют «драгоценности», т.е. вещи, имеющие не только символическую, но и денежную, актуальную ценность. Данный показатель отличает обследованную категорию респондентов от таковых в ранее изученных регионах.

Интересу к семейному прошлому способствуют: а) современные идеологические установки на «возвращение» семейной памяти как части национального культурного наследия; б) обучение составлению

генеалогий и собиранию сведений по истории семьи, которые практикуются в ряде школ. Социологические исследования подтверждают, что семья устойчиво входит в число основных ценностей россиян (нередко занимает первое место) начиная, по крайней мере, с 1980-х гг. «уход в семью» рассматривается молодыми людьми как средство спасения от социального неустройства, что полностью подтвердили данные нашего исследования. Такая точка зрения характерна, в первую очередь, для многих молодых родителей, особенно для молодых матерей.

В мотивировках того, зачем нужно знать родословие и родственников, обращает на себя внимание определенный прагматизм: «надо держаться вместе, чтобы помогать друг другу» и т.п. Большинство рассуждений о целях семейно-исторического знания можно свести к следующим смыслам: а) семейное знание самоценно для культурного человека; б) оно помогает самоопределиться; в) оно должно быть передано следующим поколениям. Закономерно, что углубление (или появление) интереса к семейной истории отмечает вступление в фазу репродуктивного родительства. Таким образом, функционально данное знание направлено на саму семью (ее воспроизводство, стабилизацию) и/или на индивида. Обращает на себя внимание крайне низкая частотность таких мотивировок, как углубление знаний об отечественной или этнической истории через семейную историю, повышение социального престижа индивида или семейной группы.

Диапазон семейно-исторической памяти, к которой причастно молодое поколение, составляют от 2 до 5 поколений, исключения единичны. В среднем глубина генеалогической памяти обследованной группы – 3 поколения, что меньше среднего показателя по другим регионам Северо-Запада России (4–5 поколений). Этот отрезок генеалогической вертикали можно назвать оперативной памятью. Она дополняется «памятью предания», которое в подавляющем большинстве случаев относится к периоду «до войны», но может относиться к концу XIX – началу XX вв., в заслуживающих особого интереса случаях – к XVI–XVII вв. или к «далекому прошлому». Подавляющее большинство семейных биографий начинается с переезда родственников на Кольский Север. При полном же отсутствии сведений о «предыстории» вторичные реконструкции делаются, главным образом, на основании прежнего места жительства предков.

Судя по результатам исследований, семья на Кольском Севере представляет собой феномен, подлежащий самостоятельному изучению, что связано с демографическими, историческими, социокультурными особенностями региона. Семья остается не только одной из основных ценностей, но и важнейшим фактором адаптации человека к меняющимся условиям жизни, в том числе фактором стабилизации жизни человека на Крайнем Севере.